

Юлия Остапенко

Смотрящая вслед

*Часть сборника
Мир Стругацких. Рассвет и
Полдень (сборник)*

Юлия Остапенко
Смотрящая вслед

«ЭКСМО»

2017

Остапенко Ю. В.

Смотрящая вслед / Ю. В. Остапенко — «Эксмо», 2017

«— Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет, — задумчиво произнес дон Рэба, поглаживая свежевыбритый подбородок. — Ровно сто двадцать шесть, тютелька в тютельку. Это примерно по две дуэли в месяц. С небольшим остатком. — М-м, — протянула дона Окана. — Правда?..»

© Остапенко Ю. В., 2017

© Эксмо, 2017

Юлия Остапенко

Смотрящая вслед

– Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет, – задумчиво произнес дон Рэба, поглаживая свежевыбритый подбородок. – Ровно сто двадцать шесть, тютелька в тютельку. Это примерно по две дуэли в месяц. С небольшим остатком.

– М-м, – протянула дона Окана. – Правда?

Дон Рэба продолжал поглаживать подбородок. Нежный, мякенький, как у младенчика. Без единого лишнего волоска и, само собой, без единой царапины. Цирюльник, только что с поклонами вышедший из покоев, пятась задом, оказался настоящим мастером своего дела. Не то что три предыдущих, которых вздернули одного за другим – те сноровкой больше напоминали кожевников, дубящих вонючую шкуру, а дон Рэба подобной неряшливости не терпел. Он вообще был крайне требователен к качеству какой бы то ни было работы. Он был строг до беспощадности, жесточайше карал за ошибки, никому не спускал промахов. Но в той же мере взыскивал и с самого себя. Это было одним из немногих его личных качеств, достойных истинного восхищения.

Кое восхищение, впрочем, никаким образом не могло перебороть в доне Окане глубинного, животного отвращения перед его мякеньким, гладеньким подбородком. Это просто поразительно, даже оскорбительно, что у самого страшного и могущественного человека в Арканаре такой подбородок. Он не выдавал слабость характера всемогущего министра: он обманывал, дурачил, вводил в заблуждение. Именно потому орел наш и брился с такой маниакальной тщательностью. Ему хотелось выглядеть безобиднее, чем он есть.

– По две дуэли в месяц. Как думаешь, душенька, это много или мало? – спросил дон Рэба и вперил в дону Окану внимательный взгляд пронзительных серых глаз.

Окана лежала на широченном ложе, забранном несвежими шелковыми простынями. Она была совершенно голой, не считая тяжелого золотого кольца с громадным рубином, висящим на массивной цепи. Рубин влажно поблескивал в ложбинке на груди, манил, притягивал взгляд. Но дон Рэба глядел не на камень и не на обрамлявшее его великолепие плоти, а в томные, полуприкрытые глаза своей фаворитки.

Дона Окана потянулась всем телом, сладко, как кошечка, и сказала:

– Не очень много. Хотя смотря из-за чего драться. Если из-за игры или просто спьяну – то нет, совсем немного. Но если всякий раз из-за дам, да всякий раз новых, то это гадко!

Вынеся сей приговор, она сердито надула губки. Дон Рэба вновь потер подбородок все с тем же видом меланхоличной задумчивости. Он смотрел на Окану и сквозь нее, не видя ни надутых губок, ни кроваво-красного камня, ни волнующей плоти, разложенной перед ним, словно поданная к трапезе телячья тушка.

– Не из-за дам, – проговорил дон Рэба. – То есть не так уж и часто из-за дам. В основном, разумеется, спьяну. И тем более удивительно, что даже спьяну, в винном угаре, сей удалец умудрился не убить ни одного из своих противников. Что ты об этом думаешь, душенька?

Конечно, дону Рэбе было глубоко наплевать, что думает дона Окана. Точно с тем же отсутствующим видом он беседовал о государственных делах с попугаем и обезьянками. Это помогало ему сформулировать мысль. Дон Рэба любил животных. И дону Окану любил – из всех его питомцев именно к ней, пожалуй, он питал наиболее глубокую привязанность.

– Но хотя бы покалечил кого-нибудь? – спросила Окана, не скрывая разочарования.

– Да, двоих. Оба раза случайно. И оба раза в течение месяца ежедневно отправлял раненым противникам то лекарства от аптекарей, то слугу с бочонком вина. Словно ему было...

– Совестно? – закончила дона Окана.

И тут же приняла беспечный вид, когда это странное, неуместное слово сорвалось с ее губ. Но дон Рэба не рассердился, он улыбнулся. Он любил, когда она говорила глупости. В самом деле, только такая дура, как доня Окана, может заговорить о совести применительно к благородному дону.

– И кто же этот ветреник? – не выдержала она – женское любопытство поистине неистребимо.

– Дон Румата Эсторский, – ответил дон Рэба совершенно равнодушным голосом. – То есть он не Румата, не Эсторский, а может быть, даже и не дон. Но за неимением лучшего вынужден пока именовать его так.

Он почесал живот и подошел к кровати. Несвежие шелковые простыни смялись и поползли, в старом матрасе протяжно заскрипели пружины. Орел наш дон Рэба был безразличен к роскоши и, что греха таить, немного прижимист. Рубин доня Оканы – фальшивая красная стекляшка, купленная на Крысином Рынке за бесценок, – была тому подтверждением.

Доня Окана повертела в пальчиках стекляшку, которую ей полагалось считать рубином, и сказала:

– Какие-то удивительные ты говоришь вещи, орлик мой. Дон Румата – такой блистательный кавалер. Как же он может не быть доном Руматой?

Наедине она звала его «своим орликом» – ее придумка, столь же дерзкая, сколь и нелепая. Надо было совсем не бояться доня Рэбу, чтобы так переделать его неофициальный титул: орел наш, грозный и беспощадный, превращался в робкого орлика в ласковых ручках своей любовницы. Только совершенно глупая женщина могла не бояться доня Рэбу. Ах, как же нравились дону Рэбе совершенно глупые женщины!

– Запросто, милая, запросто может, – сказал Рэба рассеянно, лаская ладонью холмик волнующейся белой плоти. – Ты не поверишь, сколько развелось в последнее время всякой швали, выдающей себя за знать. И где они столько наглости берут? А все оттого, что привыкли верить им на слово. Приедет вот такой благородный с виду дон на вороном жеребце, весь в шелках, ножны жемчугом усеяны, войдет в королевский дворец, подбоченься, двери ногой открывает: я, дескать, благородный Румата Эсторский, а кто не верит, тот поди сюда да скрести со мной мечи. А мечи длинные у него... хорошие такие мечи... и ножны в жемчугах.

Дон Рэба задумался. Рука его блуждала по неподвижному телу доня Оканы, и столь же неподвижен был сонный взгляд ее влажных глаз.

– А откуда жемчуга? Шелка откуда? Конь вороной антарсийский, который один стоит целое состояние? Откуда это все, когда Руматы Эсторские уже полвека как не вылезают из долгов? Половину своих земель растратили, дуралеи, замок остался один-единственный, и тот развалина, кирпичи из крепостной стены от ветра сыплются. А этот приезжает на вороном антарсийце и в жемчугах. И с обручем этим золотым...

Доня Окана словно бы машинально тронула кольцо у себя на груди. Про знаменитый золотой обруч с неприлично огромным, а главное, не поддельным камнем, который носил дон Румата, при дворе слагали легенды. В основном, конечно, из желчной зависти. Большая часть двора, страдая от зубастых ростовщиков, щеголяла фальшивыми драгоценностями, но говорить об этом вслух считалось некуртуазно. Тем более дерзким вызовом выглядело такое украшение, как у доня Руматы, – вызовом и даже насмешкой. Возможно, пара-тройка из тех пресловутых дуэлей была связана именно с этим прискорбным обстоятельством.

– А я знаю откуда, – сказал вдруг дон Рэба. – У него в особняке в подвале стоит полный сундук золота. Литые червонцы. И этот сундук никогда не оскудевает. Хоть горстями черпай, хоть до самого дна все выскреби, а наутро сундук опять будет полон. А золото, знаешь какой девственной чистоты? Да ты, душенька, в глаза не видела такого чистого золота, не то что не пробовала на зуб! Ни ты, ни я...

Он снова задумался. При всей внешней расслабленности глаза его напряженно бегали. Он был обеспокоен, орел наш дон Рэба. Крайне обеспокоен.

Дона Окана шаловливо куснула его за оттопыренное ухо. Дон Рэба беспомощно ойкнул, как малое дитя. Она всегда умела привлечь к себе его внимание.

– Ну и что, если золото, – прошептала она, дыша дону Рэбе в ухо. – Ну отбери у него этот волшебный сундук.

– Дура, – сказал Рэба. – Сундук-то не сам по себе наполнится. Наполняет его не кто иной, как наш то ли дон, то ли не дон, то ли Румата, то ли не Румата...

– Так сожги дона Румату, – бросила Окана, раздраженная затянувшейся болтовней. – Сожжешь?

Дон Рэба повернулся к ней, подтягивая под себя длинные ноги. Они обладали той восхитительной, волшебной кривизной, которая видна только в обнаженном виде и совершенно незаметна под штанами. Поэтому одна лишь дона Окана имела честь лицезреть эталонную, классическую кривизну этих ног, покрытых редким рыжим пухом. Такой же пух торчал пучками на груди дона Рэбы, и Окана пощекотала его острыми ноготками, зная, что там самое чувствительное местечко. Дон Рэба глубоко задышал, надвинулся и навалился сверху, вминая дону Окану в несвежие простыни.

– Может быть, – выдохнул ей в лицо. – Может быть, и сожгу.

Когда он насытился – случилось это не сразу, – доброе настроение к нему вернулось. Он встал, насвистывая песенку, автор которой болтался в петле на виселице у Веселой Башни. Песенка была приставучая и вертелась в голове у всего двора, но один лишь дон Рэба смел воспроизводить сей возмутительный напев. Хотя и весьма фальшиво.

Измощенная Окана лежала на постели не шевелясь. Дон Рэба не любил, когда она одевалась одновременно с ним. Он вообще не любил видеть ее одетой.

– А он тебе нравится? – спросил министр, уже натянув штаны и поддергивая манжеты сорочки.

– Кто? – отозвалась Окана в полном недоумении, и дон Рэба хмыкнул. Наклонился, похлопал ее по ляжке.

– Будь осторожна, маленькая, – сказал он ласково.

И ушел.

«Маленькая», – подумала Окана. Маленькая. Он редко так ее называл. Точно так же Румата называет эту свою, как ее... дочку помощника писаря. Киру. Маленькая.

Она лежала еще с минуту на скользких, плохо пахнущих простынях, как будто оцепенев. Потом волна запоздалого отвращения пошла по всему ее телу от макушки до пяток, сотрясая, точно судорога. Окана вскочила, набросила пеньюар, в ярости задергала витой золоченый шнур.

– Варда! Варда! Варда-а!

Служанка Варда вломилась в покои, сбиваясь с ног. Вид у нее был полубезумный – еще бы, ведь благородная дона извоили вопить так, точно их убивают. Увидев бледную, как полотенце, Окану, Варда открыла рот. И закрыла.

– Дорожное платье и коня, – сказала Окана стеклянным голосом. – И чтобы ни звука. Чтоб тени не мелькнуло. Поняла?

– Что, прямо сейчас? – испуганно спросила Варда.

И хотя Окане хотелось топнуть ногой и крикнуть: «Да, прямо сейчас!», она заставила себя выдохнуть. Закрыла лицо руками. Постояла так. А потом отняла ладони от лица и ответила:

– Нет. Не сейчас. Пусть *он* сперва уйдет из дворца. Тогда меня позовешь.

Варда молча поклонилась. Окана проводила ее глазами. Будь осторожна, маленькая. Очень осторожна.

В Пьяной Берлоге никого не было. Отец Кабани, очевидно, отправился в очередную экспедицию на поиски трав, необходимых ему в исследованиях новых, усовершенствованных видов самогоноварения. Сначала Окана расстроилась – она рассчитывала передать через него сообщение, – но потом услышала приглушенную ругань с заднего двора. Оттуда же доносился характерный, шокирующе чуждый этому миру запах прогорклого машинного масла. «Опять вовремя не сменил», – подумала Окана, выходя на задний двор, где дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, в тихом бешенстве пинал приборную панель вертолета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.